

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Цикл
Владимира Поселягина
ОХОТНИК

Охотник
Зверолов
Егеръ

Владимир Поселягин

ОХОТНИК

ЕГЕРЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 96

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П61 Поселягин, Владимир Геннадьевич

Охотник: Егерь: роман / Владимир Поселягин. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленин-
град», 2016. — 352 с. — (Современный фантастический
боевик).

ISBN 978-5-17-097561-7

Что будет, если разозлить зверя? Он впадёт в бешенство.
А что будет, если открыта клетка и впереди враг? Игорь Соколов
был выпущен из клетки, а врагов у него было много, и настала
пора раздавать долги, стирая из истории насквозь прогнившую
верхушку правительства Советского Союза.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097561-7

© Владимир Поселягин, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Думаю, не стоит говорить, что во мне kloкотало холодное бешенство после того, как судья озвучил приговор. Кстати, странно, что мне вышку не дали в самом справедливом суде мира. С возможностями отца убитого это было раз плюнуть. Однако как ни изворачивался прокурор, но самооборона есть самооборона, тут адвокат постарался. Мне и так дали максимально по этой статье. Слишком много было свидетелей того случая. С другой стороны, как это помешает этим холуям, если им дали команду «фас»? Видно, было что-то такое, из-за чего они не переходили черту. Ничего, узнаю.

Артистом в данный момент я был так себе, честно это признаю, но пришлось играть до конца. Плечи после озвучивания приговора опустились, взгляд потух, упёрся в пол, я как-то сгорбился. Как только судья закончил слушание моего дела и озвучил приговор, то приказал конвою вывести меня из зала. Наручники уже были на мне, так что конвойные — у меня их было два, — подхватив меня под локти, повели из зала через коридор к дверям заднего двора, где стоял автозак, новенький ГАЗ-52. Именно на нём меня и доставили к зданию суда. Машина ещё пахла заводской краской, навеяв мысли о свободе и привычной жизни.

Как я уже говорил, слушание было закрытым. Кроме десятка человек, в зале никого не было: адвокат, с жаром, но безуспешно боровшийся за меня,

прокурор, судья, ну и остальные. Однако в зале был мужчина лет пятидесяти, которого я не знал, но легко определил, кто это. Тот самый отец погибшего, что из ЦК. Слишком взгляд его был переполнен холодной, я бы даже сказал, лютой ненавистью, когда он смотрел на меня. Было ещё несколько незнакомых мне человек, вот и всё.

Как только мы вышли из зала, я сказал первому конвойному:

— В туалет хочу.

— Вернёмся в СИЗО, там и сходишь, — буркнул сержант.

— Сейчас напружу в штаны, скажу, ты не пустил.

— Да пусть сходит. Их всех пробивает на нервной почве, — вмешался второй с пустыми погонами.

— Что взводный сказал, когда мы его принимали? — повернулся сержант ко второму конвойному. — Что он особо опасен, и на его уловки попадаться нельзя. Пусть прудит.

— Всё, не успели, — захныкал я, почувствовав, что по ногам сначала заструилось горячее, а потом штаны намокли и заохлодели.

— Ну, вот видишь, и вести не надо, сам всё сделал, — подтолкнул меня сержант. — Марш вперёд!

— Я по большому хочу, — сделав пару шагов, сообщил я.

— Товарищ сержант, ну давайте его в туалет сводим, вот же дверь, — умоляюще попросил рядовой.

Было видно, что сержант колеблется, ему явно тоже не хотелось нюхать запахи в фургоне автозака. Тем более сейчас самая жара, машину наверняка напекло, и ароматы будут ещё те.

— Ну, хорошо, — кивнул он и зачем-то поправил тяжёлую кобуру на боку. — Идём... Смотри у меня, если что — огонь сразу на поражение.

До ворот во двор оставалось метров пять, когда конвойные, так же страхуя меня, открыли дверь слева по коридору и завели в туалет. По запаху, который не перебивала даже хлорка, было сразу понятно назначение этого довольно большого помещения, оклеенного кафелем. Наручники с меня снимать явно никто не собирался. Более того, открыв кабину, оба конвоира остались стоять рядом, даже не подумав закрыть дверцу. Всё правильно, так и должно быть.

Рядовой, было видно, молодой парень, недавно служит, не думаю, что более года, поэтому он отвернулся, разглядывая потолок и стены, а вот сержант из старослужащих, по виду — далеко за тридцать. Зубр ещё тот, вот он с меня взгляда не сводил, да и подчинённого тербил. Явно наставник, или это мне повезло попасться на такого. Одно меня тут радовало, мы одни в закрытом помещении, и, в отличие от громилы рядового, сержант был вполне нормального роста. Не такой, как я, но именно его форма мне больше приглянулась из двух комплектов, представленных на выбор.

Как только я опустил штаны до колен, сержант немного расслабился, но всё равно не сводил с меня пристального взгляда. Со спущенными штанами не побегаешь и не подерёшься, однако инструкция. Зря он так, для меня что со спущенными штанами, что нет — разницы особой не было. В общем, я уловил момент, как раз пристраиваясь на очко — видно, это был туалет для зеков — и прыгнул к конвоирам. Рядовому хватило одного удара, а вот сержант, опытный чертяка, попытался крутануться вокруг своей оси, гася силу удара, но я и таких ловких уделывал. Так что от первого удара он поплыл, второй его нокаутировал. Причём всё это я проделал левой рукой, так как с помощью правой опускал бессознательную тушку рядового на пол, чтобы тот не произвёл много шума. Наручники я снял,

вернее отстегнул с правой руки, так что они бултыхались на левой.

Быстро затащив рядового в кабинку туалета, где я сидел, закрыл его там изнутри, перебрался через верх наружу и с сержантом переместился в соседнюю. Там быстро избавился от наручников и стал сдирать форму с бессознательного тела. На то, чтобы переодеться, мне понадобилось две минуты. Не нужно говорить про горевшую спичку, я и так побил все рекорды, ведь нужно было эту одежду ещё снять, а это тоже непростое дело.

Открыв кобуру, я достал пистолет и с недоумением его осмотрел.

— Ни хрена себе табельное оружие, — пробормотал я.

В кобуре у сержанта оказался слегка потёртый, но вполне себе рабочий трофей с войны, «парабеллум». Причём это явно было табельное оружие. Я знал, что милиция их ещё использует, но уже выводит из оборота, заменяя служебным «макаровым», но не думал, что в конвойных войсках он ещё оставался. Вот у рядового всё было проще и привычнее — «ТТ» и запасной магазин, я это всё заранее реквизировал. Роба полетела на тело сержанта, а я, поправив удавку галстука, надел фуражку, тут мне подошла рядового, у сержанта слишком большая была, и вышел из кабинки. Кобура с «парабеллумом» была на боку, а «ТТ» в кармане. Оружие проверять не было времени, однако я был уверен в его надёжности. Правда, если со мной играют, то вполне возможно, оружие без боеприпасов, то есть с охолощенными патронами. В принципе в перестрелках я участвовать не собирался, так на всякий случай взял.

Ликвидировать конвой я не стал, хотя желание такое и имелось, да у меня было желание уничтожить всю столицу, не то что этих двух недоумков, но я сдержался, было отчего. Ведь я собирался вернуть себе честное

имя, и для этого мне требовалось вести себя корректно и достаточно вежливо, чтобы зацепок не было. Именно поэтому конвой и остался лежать в туалете без травм и других последствий. Хотя и в глубоком нокауте. Вот с судьёй другое дело, ещё нужно доказать, что это я его.

Да-да, вы не ослышались. Пацан сказал, пацан сделал. Кажется, так говорят? Так вот, я обещал судье проблемы? Будут. Причём если будут вопросы в будущем, не я ли судью того, у меня будет железный аргумент. Я что, сумасшедший — разгуливать в форме конвойного по суду, опасаясь опознания, и убивать того? Да я унёсся из здания суда быстрее своего визга. Это и сообщу, пусть попробуют доказать мою причастность, а в действительности, опустив фуражку на глаза, я спокойным шагом шёл по одному из коридоров здания, поглядывая на таблички у дверей, пока не остановился у одной. Там было то, что нужно: «Шишов И. О.», — именно этот перец и дал мне пятнадцать лет.

Для местных я в форме был как невидимка, на меня мало кто обращал внимание, более того, совсем не обращал. Причём я мог ведь привлекать внимание, так как обувь была мне на два размера велика. Ну не было подходящей у конвоя, и пришлось набить ботинки бумагой, чтобы они не болтались, но всё равно идти было неудобно, и походка у меня изменилась. Не враскорячку, конечно, но я стал немного косолапить. Так, немного прикрыв лицо и невольно изменив походку, я и дошёл до кабинета нужного мне судьи и, с ходу постучавшись и услышав разрешение войти, толкнул дверь и прошёл в помещение.

В таких зданиях в прошлой жизни милицейского, а потом и полицейского офицера мне приходилось бывать не раз, так что я знал, что меня ждёт. Более того, это здание сохранится и в будущем, я даже в нём был. Конкретно в этом помещении мне побывать не довелось,

кажется, тут будет располагаться архив, но примерную планировку здания я знал, и пока шёл к кабинету, успел убедиться, что особых изменений в будущем не было, так что я свободно тут ориентировался.

Никакой приёмной или чего-то подобного тут не было, а сразу за дверью располагался кабинет Шишова Тёзки Олеговича.

— Что случилось, сержант? — раздеваясь, начал ко мне было оборачиваться судья, собираясь снять пиджак. Он только что пришёл, как и я, из зала суда, так что разоблачиться не успел. Странно, видимо, он где-то задержался, поэтому и не успел.

Меня только немного удивило, как он понял спиной, что я сержант, но заметив зеркало правее вешалки, понял, что тот разглядел меня в отражении, и судя по тому, как начали расширяться его глаза, он ещё и умудрился опознать меня. Опытный чел. Подскочив к судье, я ударом щепотки пальцев парализовал его, нужный удар у меня был хорошо отработан, после чего, подхватив его подмышки, я сказал:

— Ну что, тварь, как видишь, я бываю пророком. Сказал, будут проблемы, теперь у тебя большие проблемы.

Сказать что-либо тот не мог, только хрипел, поэтому, подтащив его к столу, я с силой опустил голову судьи виском об угол стола. После чего положил его на пол. Для всех тот запнулся о край ковровой дорожки — я её поднял и загнул — и ударился головой о край стола. Несчастный случай, такое бывает. Проверив пульс — тот отсутствовал, — я сразу подскочил к двери, покинул кабинет и спокойным шагом, быстрым, но неспешным, направился к выходу. Тревога ещё не была поднята — вырубил я конвой меньше трёх минут назад, — когда я оказался на выходе из здания суда и беспрепятственно его покинул.

Из «Матросской Тишины», куда мне возвращаться категорически не хотелось, сбежать было куда сложнее, здесь же справился бы и ребёнок. Так что я не упустил своего шанса, да и с судьёй поquitался. Никто же его не заставлял идти на поводу у отца погибшего, так что получил он заслуженно. Так вот, пребывая в одной из камер следственного изолятора «Матросской Тишины», я успел подумать, пока было время, что буду делать. Первый план выполнен, я на свободе. Следующий? Да всё просто, папашка погибшего. Месть — это святое, и это блюдо подают холодным, а оно у меня замороженное, так что пора разморозить и ответить. Ещё у меня было в планах пройтись косою смерти по верхушке ЦК, уж больно хотелось, однако это могло помешать моим остальным планам. Они были достаточно просты. Обелить своё имя, чтобы не было проблем у родственников, убедиться, что у меня всё в норме, и инсценировать свою смерть. Как? Да просто. Тот ушлёпок, из-за которого я попал в эту историю, спокойно живёт и коптит небо, так что воспользуемся нашей схожестью. Он погибнет вместо меня, ну а я контрабандными тропами покину Союз. Дочек позже заберу. Причина такого решения? Да просто не могу я уже здесь, как удавку накинули на шею и душат. То нельзя, это... А я ведь привык к другой жизни, и хотя тут уже освоился и вполне нормально живу, но не моё это. Вырос то я в перестройку, и моральные ценности у меня совсем другие, по сравнению с теми, что продвигают тут, в Союзе. Я как волк в овечьей шкуре, и хотя шкура начала сползать, надо успеть задрать как можно больше овец, прежде чем покинуть отару. Для меня тут стало слишком опасно. В общем, такая идея. В принципе можно громко хлопнуть дверью, уходя, когда инсценировка смерти будет произведена, и устроить охоту на зажавшихся членов ЦК, прежде чем покинуть страну,

однако надо это всё обдумать. Позже, не сейчас, нынче у меня слишком много работы. План расписан по минутам, и его нужно выполнять.

Спустившись по ступенькам суда, я мельком посмотрел на папашу убитого, который на этих ступеньках, но дальше, у чёрной служебной «Волги», разговаривал с высоким мужиком. Я того знал, этот был следователь, что вёл моё дело, он тоже был на заседании суда. Брать этого папашу у всех на виду — тут было два десятка свидетелей плюс водители и пассажиры проезжающих по улице машин — я не хотел, вот это сразу припишут мне. Поэтому, запомнив номер машины, ещё раз мельком глянул на беседовавших, поспешил вниз по улице подальше от здания суда. Кстати, папашка имел довольный вид, видимо, всё же моя игра сработала, тот был доволен, что я «сломался» приговором. Ну-ну.

Когда я дошёл до первого перекрёстка, то обернувшись, обнаружил суету у здания — значит, мой побег был обнаружен.

— А вот это нехорошо, — пробормотал я, заметив, что за мной бегут трое бойцов конвойных войск, включая того следователя, а из-за здания выезжает автозак. — Похоже, лопухов обнаружили раньше, чем я рассчитывал, а следователь сообщил, куда я пошёл. Он контролировал всё вокруг себя, профи, мать его, ну и сразу сказал, куда пошёл странно знакомый сержант.

Последнее я обдумывал вслух на бегу, пытаясь разорвать дистанцию, но пока не получалось. Преследователи тоже оказались легки на ногу. Мне даже показалось, что это бойцы антитеррористической группы, именно эти подразделения и занимаются отловом таких, как я. Не знаю по какой причине я пришёл к такому выводу, но чуял по повадкам, что это именно они. Вот это плохо, видимо, кто-то просчитал возможность побега и, подсутившись, придал основному конвою для под-

страховки этих бойцов. Наверное, они во дворике ждали, а мы так и не появились, вот и сработали. Спецы, мать их. Что ещё раздражало, у двоих были «калаши». Могли издали достать, но они пока не стреляли.

Заметив, что к тротуару у здания, мимо которого я пробежал, пытается припарковаться дамочка, то даже глаза широко открыл от изумления и невольно улыбнулся. Если бы я не знал, что сейчас шёл шестьдесят девятый год, точнее лето шестьдесят девятого, то невольно подумал бы, что нахожусь в привычном для себя времени. В машине за рулём сидела классическая такая гламурная блондинка. Гламурная не по будущему, а с учётом этого времени. Чуть высунув язык от усердия, она пыталась припарковать свою машину. И несмотря на то что у неё был не «Мерседес» или «Бентли», а самый обычный серенький горбатый «Запорожец», она имела гордый вид обладательницы автомобиля.

Среагировал я сразу, выбежал на дорогу, распахнул дверцу и, подхватив девицу по ноги и под, надо сказать, прелестную попку, которую успел пощупать, просто помог ей покинуть машину. Сделал я это быстро, поэтому её закрутило вокруг своей оси, а когда она остановилась, удерживая равновесие на каблуках, то «Запорожца» рядом уже не было. Лишь мелькнули на перекрёстке стоп-сигналы поворачивающей вправо машины. Визг возмущённой автолюбительницы я уже не слышал, но он достался преследователям.

Повернув на перекрёстке, я поехал дальше с положенной скоростью, снова повернул направо и двинулся по параллельной улице и снова вправо, возвращаясь к зданию суда. Надеюсь, тот папаша ещё не покинул его. Мне повезло, чёрная «Волга» как раз отъезжала от здания суда, поэтому, немного отстав, я пристроился за ними следом.

Фуражку я бросил на соседнее сиденье, ещё когда садился в машину, однако форма всё равно дискредитировала меня, нарушала, можно сказать, маскировку. Ничего не оставалось, кроме как приспособиться, в машине её так быстро не снять, тем более портупею придётся отстёгивать, поэтому немного опустившись, чтобы торчала только голова, я двигался следом за «Волгой», стараясь не отвечивать. Между нами всегда было три или четыре машины.

Когда служебная машина заехала во двор жилого здания для высшего чиновничьего состава, я проехал мимо арки, заметив, как водитель, открыв заднюю дверцу, выпускает папашку. Именно такое кодовое имя я дал этому недоноску. Делать пока мне тут было нечего, ночью вернусь, поэтому проехав мимо, я поехал к одному из своих схронов, которые создал на всякий случай. Мысли покинуть Союз у меня были и раньше, поэтому я готовился. Не специально, реально готовившись свалить, просто чтобы было, запасной вариант. Всего в Москве и области у меня было шесть таких схронов. Понимаю, что мало, но что есть.

Доехав до первого, я покинул машину, запер и направился внутрь здания. Это был заселённый рабочими барак, готовившийся к выселению. Тут что-то планировали построить, и шесть двухэтажных барачков из красного кирпича планировалось снести. Схрон был на чердаке. Так что, поднявшись туда, я откопал из-под битого шифера запылённый чемодан и вернулся к машине. Потом доехал до берега реки, в кустах переоделся, форму аккуратно сложил и убрал в машину, оставшись в коричневых брюках и серой рубашке и теперь ничем не отличаясь от советского обывателя. В схроне было и оружие, вполне такой обычный «макаров», так что он отправился в карман брюк вместе с запасными магазинами. Паспорт я убрал в нагрудный карман,

туда же и водительское удостоверение. Комсомольский билет тоже имелся. Более того, даже удостоверение сотрудника милиции на то же имя было. Как я уже говорил, на поддельных документах я собаку съел и являлся твёрдым середнячком в изготовлении. Так что комплект запасных ксив у меня был. Пока я являлся Сергеем Майским, младшим лейтенантом и простым, почти честным гражданином.

Тут же в речке я искупался, можно сказать отскабливая с себя воспоминания о камере, всё же не один сидел, почти сорок человек было, и сразу покрасил волосы в рыжий цвет. Не в яркий, а такой, какой обычно бывает у натуральных рыжих. Брови прошли ту же процедуру. Да что они, в паху и то покрасил, чтобы диссонанса не было, мало ли после долгого воздержания бабу приведу. Фото были у меня во всех документах чёрно-белые, так что не подкопаешься. Меня, конечно, постригли в камере, но волосы уже немного отросли, так что у меня был короткий ёжик. Не модно в это время, тут были в моде длинные причёски, но уже не так бросалось в глаза, как совсем лысая голова. Хорошо ещё, что до стрижки оставалось три дня, раньше сбежал. Успел. Не обрили. Вот доберусь до другого схрона, где парики имеются, тогда вообще от простого советского человека ничем отличаться не буду.

Отмыв чемодан от пыли, я проехал в город, укрыл машину в одном из дворов и снял номер в гостинице, дойдя до неё пешком. Документы у меня были на ленинградца, как и удостоверение, командировочное удостоверение тоже было, так что я лишь внёс в него сегодняшнюю дату и спокойно заселился. Конечно, это было не так и просто, как ни странно, ни в одну гостиницу без брони не заселяют, но я знал подход к местным работникам, так что получил одноместный номер из резерва. Тут было всё просто: я позвонил из